

БОГОСЛОВИЕ И ФИЛОСОФИЯ

КОНЦЕПЦИЯ ИСТИНЫ В РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА

Михаил Степанович Иванов

доктор богословия
заслуженный профессор Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
mashburo-mda@yandex.ru

Для цитирования: *Иванов М. С.* Концепция истины в религиозной философии Николая Бердяева // Богословский вестник. 2022. № 4 (47). С. 37–49. DOI: 10.31802/GV.2023.474.003

Аннотация

УДК 165.023.1 (141.412)

Занимаясь творчеством в области религиозной философии, известный русский мыслитель Н. А. Бердяев, естественно, не мог обойти вниманием феномен истины, который на протяжении многих столетий постоянно обсуждается в интеллектуальной среде. За этот период было разработано множество концепций истины. Предлагая собственную, Бердяев как мыслитель религиозный полагает в её основу слова Иисуса Христа: «Я есмь Путь, Истина и Жизнь» (Ин. 14, 6) — и на этой основе разрабатывает понятие о Живой истине, противопоставляя ему широко распространённые представления об истине как соответствии знания действительности. Познание истины для Бердяева — это «вхождение в Божественную жизнь».

Ключевые слова: Истина и истины, Истина в Откровении и в науке, природа истины, познание истины, истина и реальность, истина и свобода, кризис идеи истины.

The Concept of Truth in the Religious Philosophy of Nikolai Berdyaev

Mikhail S. Ivanov

Doctor of Theology

Professor Emeritus of the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

mashburo-mda@yandex.ru

For citation: Ivanov, Mikhail S. "The Concept of Truth in the Religious Philosophy of Nikolai Berdyaev". *Theological Herald*, no. 4 (47), 2022, pp. 37–49 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2023.47.4.003

Abstract. Being engaged in creativity in the field of religious philosophy, the famous Russian thinker N.A. Berdyaev, of course, could not ignore the phenomenon of truth, which for many centuries has been constantly discussed in the intellectual environment. During this period, many concepts of truth were developed. Offering his own, Berdyaev, as a religious thinker, bases it on the words of Jesus Christ: «I am the Way, the Truth, and the Life» (John 14, 6) – and on this basis he develops the concept of the Living Truth, opposing it to the widespread ideas of truth as correspondence of knowledge to reality. The knowledge of truth for Berdyaev is «entry into the Divine life».

Keywords: Truth and truths, Truth in Revelation and in science, nature of truth, knowledge of truth, truth and reality, truth and freedom, crisis of the idea of truth.

Введение

Проблему истины не обошёл вниманием ни один выдающийся мыслитель. Более того, вопрос об истине вообще является центральной проблемой теории познания. Однако при этом трудно найти в этой теории дискуссионную тему, которая породила бы такое многообразие расхождений во мнениях и противоречий во взглядах, как тема истины. Различные концепции истины предлагались на протяжении многих столетий, простираясь с Античности до Нового времени.

Поиск истины в этот период, естественно, не может быть описан в рамках отдельной статьи даже фрагментарно, поэтому статья посвящена не множеству концепций истины, разработанных в течение многих веков, а всего лишь одной — религиозно-философской концепции Н. Бердяева. На первый взгляд, может показаться, что обращение по столь фундаментальной и значимой теме к наследию насколько известного, настолько же и своеобразного русского религиозного мыслителя едва ли может найти оправдание. Однако уже давно было замечено, что своеобразие русского философа было довольно необычным — можно сказать, типично бердяевским. Именно оно позволяло ему, в одних случаях, выражать свои христианские взгляды с позиций традиционного православного богословия, а в других — предлагать собственные религиозно-философские измышления, которые не имели ничего общего с православным вероучением.

Природа Истины

Вторую главу книги «Истина и Откровение» Н. Бердяев начинает словами Иисуса Христа: *«Я есмь путь, истина и жизнь»* (Ин. 14, 6). В дальнейшем они послужат философу своего рода отправной точкой в его религиозно-философских рассуждениях об истине и помогут ему избежать заблуждений и ошибок, допущенных теми, кто этих слов Христа не знал или не обращал на них никакого внимания, полагаясь на свои познавательные силы. Евангельское свидетельство Самого Христа о том, что Он есть Истина, Н. Бердяев принимает как аксиому, в непреложности которой он на протяжении всей своей жизни никогда не сомневался, хотя его критический философский ум и допускал иногда пересмотр отдельных, ранее принятых им постулатов. Божественная Истина — это своего рода фундамент, на котором Бердяев развивает всю дальнейшую концепцию истины.

На пути развития этой концепции перед Бердяевым, как, впрочем, и перед любым другим человеком, стремящимся объективно и всесторонне понять, что такое истина, неизбежно встаёт, пожалуй, самый трудный вопрос о природе истины. На этот вопрос Иисус Христос, как отмечает Бердяев, Пилату не ответил, ибо такой ответ, как говорил Сам Христос в подобных ситуациях, *не вмещается в вас* (Ин. 8, 37). Об этом как раз и свидетельствует вся история поиска истины вне Истины Божественной, на протяжении которой даже не вставало проблемы Живой Истины. В рассуждениях же Бердяева о природе истины постоянно прослеживается сравнительный анализ Абсолютной Истины и истин относительных, наличие которых философ не отрицает, имея в виду слова Христа о Святом Духе, Который наставит вас *на всякую истину* (Ин. 16, 13) [курсив мой. — *М. И.*]. Тем самым он указывает, что объективное понимание истин относительных может быть достигнуто только в свете Божественной Истины. А это, в свою очередь, исключает широко распространённое сегодня утверждение, согласно которому, как отмечает философ, постижение любой истины носит интеллектуальный и «исключительно познавательный характер»¹. Здесь следует заметить, что прилагательное «познавательный» Бердяев использует в этом тексте в философском гносеологическом, а не в христианском онтологическом значении.

Бердяев неоднократно подчёркивает: сам факт того, что христианская Истина Божественна и Абсолютна одновременно, не может выразить её природу логически, «как прямое определение, поскольку любая знаковая определённая противоречит абсолютности. Абсолютная Истина, чтобы стать выраженной, неизбежно теряет форму логического понятия и принимает форму символа»². Божественная истина, замечает мыслитель, это не «вещная, предметная реальность... [и она. — *М. И.*] не даётся человеку в готовом виде»³. Поскольку она живая, то по выражению Бердяева, её природа «динамична, а не статична»⁴. Описывая природу Божественной Истины, Бердяев действительно прибегает к символическому языку, однако использует его не в современном понимании, при котором понятие «символ» почти потеряло древнее

1 Бердяев Н. Истина и Откровение. Санкт-Петербург, 1996. С. 20.

2 Колцева Н. П. Отношение религии и философии как предпосылки обнаружения символов абсолютной истины в священных религиозных текстах // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 392. С. 59.

3 Бердяев Н. Истина и Откровение. С. 20.

4 Там же.

значение, превратившись в понятие «знак», а в том буквальном понимании слова «символ», которое использовалось для описания соединения одной реальности с другой.

Контекст рассуждений отечественного философа о природе Божественной Истины выявляет и другой факт: Бердяев интуитивно чувствует характерную особенность библейского семитского языка, в котором глагол *yāda*, «знать», «употребляется не только тогда, когда речь идёт о получении... тех или иных сведений»⁵, но и в тех случаях, когда необходимо выразить «некое экзистенциальное соотношение (то есть укоренённое в самом существовании). Познать нечто — значит изведать нечто конкретным опытом»⁶. Эта интуиция помогает Бердяеву понять подлинный смысл таких изречений Самого Христа, как, например: «*Познаете истину* [то есть соединитесь с истиной. — *М. И.*], *и истина сделает вас свободными*» (Ин. 8, 32) — или: «*Сия есть вечная жизнь, да знают Тебя, истинного Бога*» (Ин. 17, 3).

Познание в библейском контексте — это «реальное и ответственное включение себя в жизнь, вызывающее глубокие последствия. Познать кого-нибудь [например, Бога как Живую Истину. — *М. И.*] — значит вступить с ним в личные отношения [подчёркнуто мной. — *М. И.*], которые могут принимать многообразные формы и достигать разных степеней; поэтому под “знанием” можно понимать целую гамму различных смыслов... Бога познают, когда испытывают Его суд (см. Иез. 12, 15), и совсем по-другому познают Его, когда вступают в Его Союз-Завет (см. Иер. 31, 34) и постепенно входят в единство с Ним»⁷. Бердяев абсолютно прав: природу Божественной Истины нельзя познать только интеллектуально или логически.

Рассуждая о других истинах, которые философ называет истинами «с маленькой буквы», или «частными истинами», он отмечает, что их природа отличается от природы Истины Абсолютной. Другие истины не существуют вечно, а разрабатываются «дифференцированными науками» и соответствующими специалистами и «относятся к объективированному миру»⁸. Здесь позиция Бердяева, казалось бы, начинает сближаться с позицией светских учёных, для которых всё в окружающем мире находится в стадии становления и которые путём проб и ошибок идут в поисках истины от истин частных к истине общей. Однако

5 Иванов М. Богословский сборник. Т. 2. Москва, 2011. С. 141.

6 Словарь библейского богословия. Киев; Москва, 1998. Стб. 404.

7 Там же. Стб. 404–405.

8 Бердяев Н. Истина и Откровение. С. 25.

ход дальнейших рассуждений Бердяева показывает, что его концепция принципиально отличается от научно-философских концепций, существующих в «объективированном» мире, то есть в мире субъект-объектных отношений, а не в мире онтологического единства. «Истина духовна, — пишет Н. Бердяев, — она есть внедрение духа в мировую реальность, мировую данность. Отвлечённой интеллектуальной истины не существует; она целостна... Когда истину делают интеллектуальной и рациональной, она объективируется, притягивается к состоянию мира и человека, и свет ослабляется в ней... Объективация есть прежде всего ослабление света и охлаждение огня. Но объективированный мир [то есть мир, лежащий во зле (см. 1 Ин. 5, 19). — *М. И.*] должен в конце концов сгореть в огне... Первожизнь, первореальность, которая должна быть уловлена философским познанием истины, находится до разделения на субъект и объект [то есть до появления греха в мире. — *М. И.*] и исчезает в объективации. Истина, целостная Истина с большой буквы, — заключает Бердяев, — есть Дух и Бог»⁹.

Познание Истины

«Познание Истины, — пишет Бердяев, — не есть познание [некоего. — *М. И.*] объекта», но есть приобщение к ней [то есть к Истине. — *М. И.*], начинающаяся жизнь в Истине. Истина не может быть только делом познания [понимаемого в современном смысле этого слова. — *М. И.*], она есть также дело жизни; она неотделима от полноты жизни. И это нужно понимать совсем не так, что Истина должна быть слугой жизни». Заканчивая это размышление, философ приводит поистине классическое изречение, носящее подлинно богословский характер: «Истина есть смысл жизни, и жизнь должна служить своему смыслу»¹⁰.

Принятие Абсолютной Истины не носит принудительного характера, какой, по замечанию Бердяева, «существует только в физико-математических науках»¹¹, где, например, истина «дважды два — четыре» является общеобязательной. Н. Бердяев неоднократно подчёркивает, что Божественная Истина должна приниматься человеком сознательно и свободно, ибо *где Дух Господень, там свобода* (2 Кор. 3, 17). Причём в этом процессе участие принимает не только человек, но и Сама

9 Бердяев Н. Истина и Откровение. С. 24–25.

10 Там же. С. 36–37.

11 Там же. С. 26.

Божественная Истина, выступающая в этом случае как Высшая данность и как Творческая заданность одновременно. Божественная Истина не открывается перед человеком как «предмет» познания, информацию о котором человек должен получить. «Познание Истины, — пишет в этой связи Бердяев, — предполагает просветлённую человечность»¹². Словосочетание «просветлённая человечность» философом подробно не описывается. Однако если сравнить те тексты, в которых Бердяев пишет о человеке, достигшем познания Божественной истины, то можно сделать вывод, что характеристики такого человека, несмотря на их предельную краткость и своеобразие философской лексики Бердяева, нередко приближаются к описанию человека, живущего истинной жизнью. Так, например, он однозначно свидетельствует: «Познание истины есть вхождение в божественную жизнь»¹³. Более того, такое познание, как будет описано ниже, есть, по Бердяеву, «преображение, просветление» не отдельной личности и «не отвлечённое схематическое познание», а просветление [всего. — *М. И.*] мира¹⁴ в силу кафоличности Церкви. И наконец, «Истина стяжается [то есть приобретается. — *М. И.*] жизнью и подвигом, усилием воли и целостным духом, а не одним познанием»¹⁵. Таким образом, к Божественной Истине не должно быть исключительно «интеллектуального отношения». «Свет истины, — отмечает Н. Бердяев, имея в виду наличие в человеке божественного образа, — есть обнаружение высшего начала в человеке»¹⁶, а само «познание Истины, — продолжает философ, понимая термин “познание”, как ранее уже было отмечено в древнем библейском контексте как соединение, — есть приобщение к ней [то есть к Истине. — *М. И.*], начинающаяся жизнь в Истине»¹⁷. Эта жизнь зарождается, по Бердяеву, в процессе «духовного пробуждения» человека к Истине¹⁸, которое, в свою очередь, становится «творческим открытием» Истины, а не отражающим познанием «объекта» или «бытия»¹⁹.

Описывая процесс познания природы истины, Бердяев одновременно подвергает критике существующее многие века широко

12 Бердяев Н. Истина и Откровение. С. 27.

13 Бердяев Н. Дух и реальность. Москва; Харьков, 2003. С. 577.

14 Там же. С. 16.

15 Бердяев Н. А. Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. Москва, 1990. С. 22.

16 Бердяев Н. Истина и откровение. С. 36.

17 Там же. С. 37.

18 Там же. С. 21.

19 Там же.

распространённое представление об истине, аспект в котором всё более смещался с онтологического измерения, имевшего место в древнегреческой философии, особенно у Платона, на измерение рационально-познавательное и логическое. Такое представление в научных и философских кругах получило название «соответствие». Так, например, в изданном в 2011 г. «Энциклопедическом словаре» мы читаем: «В современной логике и методологии науки трактовка истины как соответствия знания действительности является классической»²⁰ [подчёркнуто мной. — М. И.]. По этому поводу Бердяев замечает:

«Целостная истина есть не отражение или соответствие реальности [подчёркнуто мной. — М. И.], а торжество смысла мира. Познание истины есть преображение, просветление мира, а не отвлечённое, схематическое познание. Истина не от мира, а от духа. Она относится не к феноменальному, а к ноуменальному... миру»²¹. Бердяев не отрицает того, что в окружающем мире наука открывает «закономерность и необходимость»²². Однако она не способна «увидеть в мире разум, смысл. Его не найти логике, приспособленной к падшести мира»²³.

Кроме понятий «Абсолютная истина» и «маленькие истины», философ дополнительно вводит понятие «отвлечённая истина», которое подвергает критике. «Отвлечённая истина, — пишет он, — прозрачна; она — порождение рационалистического блуждания по пустыням отвлечённого мышления. Истина — живая [в очередной раз повторяет Н. Бердяев. — М. И.]; истина есть также путь и жизнь. И вот живая истина, цельная истина не может раскрываться лишь интеллектуально, рассудочно, рационально; с ней можно соприкоснуться лишь в опыте религиозной жизни [подчёркнуто мной. — М. И.]. Разум должен прекратить своё изолированное... существование и органически воссоединиться с цельной жизнью духа [подчёркнуто мной. — М. И.]; тогда только возможно в высшем смысле [подчёркнуто мной. — М. И.] разумное [а не рациональное только. — М. И.] познание. Бытие дано лишь только в опыте, но оно никогда не бывает дано в опыте рационализированном, рассудочном. Бытие дано до рационалистического рассечения

20 Энциклопедический словарь. Москва, 2011. С. 496.

21 Бердяев Н. Дух и реальность. С. 16.

22 Там же.

23 Там же.

духа и до раздвоения на субъект и объект»²⁴ [то есть до того, как в мир вошёл грех. — *М. И.*].

Истина и соборность

Не может не вызывать удивления тот факт, что Бердяев, провозглашая «безбрежную» свободу личности, доходящую до того, что даже Бог, по мысли философа, «всесилен над бытием, <...> но не над свободой»²⁵, и утверждая, что сам он в своей абсолютной свободе и независимости «всегда был ничьим человеком»²⁶, признавал тем не менее соборность Церкви, ибо только благодаря соборности Божественная Истина, по мысли Бердяева, становится доступной для христианина. Бердяев пишет:

«Индивидуальный разум, индивидуальное усилие не могут открыть универсальной истины. Непомерные притязания индивидуального сознания по всем линиям терпят поражение. Человек, представленный самому себе, оставленный с самим собой и своим “человеческим”, бессилен и немощен; ему не открывается истина, не раскрывается для него смысл бытия, не доступен ему разум вещей. Весь ход человеческой культуры, всё развитие мировой философии ведёт к осознанию того, что вселенская истина открывается лишь *вселенскому сознанию, то есть сознанию соборному, церковному*» [курсив Н. Бердяева]. Даже «философия, то есть раскрытие разумом вселенской истины, не может быть не только индивидуальна, не только человеческим делом; она должна быть делом сверхиндивидуальным, то есть соборным, то есть церковным. Лишь вселенскому церковному сознанию раскрываются тайны жизни и бытия; лишь в общении церковному разуму возможно истинное дерзновение; там лишь гарантия против всякого иллюзионизма и призрачности; там подлинный реализм...»²⁷.

Далее Бердяев устанавливает непосредственную связь между вселенским соборным сознанием и подлинной философией. Он однозначно заявляет:

24 Бердяев Н. А. Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 29.

25 Бердяев Н. А. Философия свободного духа: Проблематика и типология христианства. Ч. 1. Петроград, 1927. С. 233.

26 Цит. по: Бердяев Н. А. Pro et contra. Санкт-Петербург, 1994. С. 8.

27 Бердяев Н. А. Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 25–26.

«Философия должна быть церковной, но это не значит, что она должна быть богословской или клерикальной. Философия должна быть свободной; она и будет свободной, когда будет церковной, так как только в Церкви — свобода, освобождение от рабства и необходимости. Философия церковная есть философия, приобщённая к жизни мировой души, обладающая мировым смыслом — Логосом, так как *Церковь и есть душа мира, соединившаяся с Логосом* [курсив Н. Бердяева]. Философия отвлечённая, рационалистическая, “гносеологическая”, схоластическая порывает с мировой душой и теряет пути к ней. Лишь церковная философия восстанавливает эти пути»²⁸.

На этих путях как раз и проявляет себя соборный голос Абсолютной истины. Говоря об этом, Бердяев вспоминает отечественного религиозного мыслителя А. Хомякова, который уделял соборности самое пристальное внимание. Бердяев замечает:

«То, что Хомяков называет соборностью, <...> с трудом может быть рационально выражено»²⁹.

Однако главное здесь для Бердяева выступает очевидно и отчётливо: соборность есть не «коллективная реальность; она есть внутренняя качественность»³⁰. В соответствии с этим и Истина не может быть социализирована, поскольку «она [находится. — М. И.] по ту сторону противоположения субъективного и объективного»³¹, то есть того «противоположения», которое было вызвано появлением греха. Бердяев вводит понятие «коммунитарность», противопоставляя его понятию «коллективизм» и продолжает:

«Коммунитарность есть братское отношение к истине человеческих личностей и предполагает их свободу. Коллективизм есть принудительная организация общения, признание коллектива особенной реальностью, стоящей над человеческой личностью и угнетающей её своим авторитетом. Коммунитарность есть осуществление полноты свободной жизни личностей. В жизни религиозной это и есть соборность... [подчёркнуто мной. — М. И.]. Это очень важно для понимания роли Истины в человеческой жизни и в религиозной его жизни. Истина может открываться коммунитарности, открываться

28 Бердяев Н. А. Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 26.

29 Он же. Истина и Откровение. С. 38.

30 Там же.

31 Там же. С. 22.

любви, как думал Хомяков, но не может открываться коллективно-сти», в которой нередко «искажалось откровение Истины»³².

Сопоставляя Истину и соборность, Бердяев вспоминает не только о Хомякове. С большой симпатией он высказывается обо всём славянофильском движении, указавшем путь к Живой Истине. Философ пишет:

«Если существует своеобразный дух России, то дух этот ищет Истины как пути и жизни, то есть Истины живой, конкретной. Только в этом может быть наше всемирно-историческое дело. Путь этот был уже указан основоположниками славянофильства...»³³.

Истина в современном мире

Бердяев с тревогой констатирует: «XX век переживает кризис идеи истины. Этот кризис обнаружился уже у мыслителей второй половины XIX века, но в наш век обнаружены его результаты. Течение прагматизма в философии и наука выставляют критерий Истины, который подвергает сомнению самое существование Истины, заменяя его пользой, приспособлением к условиям жизни»³⁴. В дальнейшем Бердяев не раз будет возвращаться к феномену прагматизма, критикуя скрытую в нём опасность. Как ранее уже отмечалось, для Бердяева истина — это не слуга жизни, а её смысл; по этой причине «между Истиной и пользой, выгодой... существует вечный, прагматический конфликт»³⁵. Этот конфликт скрывается в прагматизме, который, по выражению Бердяева, настолько «оптимистичен», что незаметно для окружающих может превращаться в «прагматизм лжи», поскольку «ложь бывает очень полезна для организации жизни»³⁶. В этой связи вспоминается классическое изречение: «Цель оправдывает средства». «Социально полезной ложью, — замечает Бердяев, — очень дорожили руководители человеческих обществ; для этого создавались мифы консервативные и революционные, религиозные, национальные и социальные, и они выдавались за истину, иногда даже научно-обоснованную истину. Сторонники прагматизма очень легко принимают за истину полезную ложь»³⁷. Такая

32 Бердяев Н. А. Истина и Откровение. С. 23–24.

33 Бердяев Н. А. Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 35.

34 Бердяев Н. А. Истина и Откровение. С. 27.

35 Там же. С. 28.

36 Там же.

37 Там же.

«прагматическая истина» оказывается подчинённой «смертоносному потоку времени», и она «не может допустить вечной Истины», потому что Истина Абсолютная, Божественная «есть голос вечности во времени, есть луч света в этом мире»³⁸. Такому свету должны быть причастны и все отдельные истины, называемые Бердяевым «маленькими», «частными», истинами «с маленькой буквы». Однако их причастность Абсолютной Истине наблюдается в современном мире всё реже и реже. Это происходит даже в области науки. «Физика и химия XX века, — пишет в этой связи Бердяев, — делают великие открытия и приводят к головокружительным успехам техники. Но эти успехи... [иногда. — М. И.] подвергают опасности самое существование человеческой цивилизации»³⁹. Иллюстрацию этого философ видит в появлении атомного оружия. «Химики, — пишет он, — могли бескорыстно открывать истину... но получилась атомическая бомба, которая грозит гибелью»⁴⁰, потому что, когда «человек отпадает от целостной Истины, раскрывающиеся ему отдельные истины не помогают ему»⁴¹.

Казалось бы, «во имя истины человек должен был бы жертвовать всем. Но истина, — пишет Бердяев, — [иногда. — М. И.] бывает горька для человека, и он часто предпочитает [ей. — М. И.] возвышающий его обман»⁴².

Такова концепция истины, разработанная Бердяевым. При всех её несомненных достоинствах она, к сожалению, не смогла удержать самого философа в христианской истине и предостеречь от тех многочисленных и трагических ошибок, какие им были допущены в процессе религиозно-философского творчества. «Дух свободы, который его воодушевлял»⁴³ и над которым, по Бердяеву, не «всесилен» даже Сам Бог⁴⁴, «толкал его», как отмечает протоиерей В. Зеньковский, «к анархизму в идейной сфере»⁴⁵.

38 Бердяев Н. А. Истина и Откровение. С. 29.

39 Бердяев Н. Дух и реальность. С. 572.

40 Там же.

41 Там же.

42 Бердяев Н. А. Истина и Откровение. С. 42.

43 Зеньковский В. В., прот. История русской философии. Т. II. Париж, 1989. С. 318.

44 Бердяев Н. А. Философия свободного духа. С. 233.

45 Зеньковский В. В., прот. История русской философии. Т. II. С. 318.

Источники

- Бердяев Н. А.* Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. Москва: Наука, 1990.
- Бердяев Н. А.* Философия свободного духа. Проблематика и апология христианства. Ч. 1–2. Париж: YMCA-Press, 1927–1928.
- Бердяев Н.* Дух и реальность. Москва; Харьков: АСТ; Фолио, 2003.
- Бердяев Н.* Истина и Откровение. Санкт-Петербург: Изд. Русского христианского гуманитарного института, 1996.

Литература

- Зеньковский В. В., прот.* История русской философии. Париж: YMCA-Press, 1989.
- Иванов М.* Богословский сборник. Т. 2. Москва: ДеЛи плюс, 2011.
- Копцева Н. П.* Отношение религии и философии как предпосылки обнаружения символов абсолютной истины в священных религиозных текстах // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 392. С. 59–65.
- Словарь библейского богословия / пер. с фр. Киев; Москва: Истина и жизнь, 1998.